

С любовью к родному Отечеству
и Русской Православной Церкви

В ознаменование 73-й годовщины со дня возведе-
ния на Московский Патриарший престол
Русской Православной Церкви

Блаженнейшего Сергия (Страгородского),
митрополита Московского и Коломенского,
в честь 70-летия со Дня Победы Советского Союза
в Великой Отечественной войне;

посвящается

Святейшему Патриарху Московскому
и Всея Руси Сергию,

Святейшему Патриарху Московскому
и Всея Руси Алексию,

Святейшему Патриарху Московскому
и Всея Руси Пимену,

Святейшему Патриарху Московскому
и Всея Руси Алексию II,

Митрополиту Николаю (Ярушевичу),
Митрополиту Луке (Войно-Ясенецкому),

Митрополиту Никодиму (Ротову),
протоиерею Николаю (Колчицкому);

всем, кто стоял у истоков возобновления
деятельности издательств Московской
Патриархии, научных церковных школ РПЦ,
Отдела внешних церковных связей МП,
образующихся епархий на канонической
территории Русской Церкви;

119

кроме того,
архимандриту Алипию Псково-Печерскому,
архимандриту Иоанну (Крестьянкину),
архиепископу Софронию (Будько)
и всему собору новомучеников и исповедников
Русской Церкви, пострадавших в лютую годину
гонений;
а также

всем, кто сражался на поле брани
в годы Великой Отечественной войны,
всем, кто ковал в тылу Великую Победу;
участникам обороны города Ленинграда
и блокадникам.

V

На закате третьего сентябрьского дня иерархи
Сергий, Алексей и Николай, три секретаря от каж-
дой митрополии были доставлены в Кремль, где их
встретил Карпов. Полковник, одетый по офицер-
скому уставу, кратко проконсультировав священ-
нослужителей, провёл их в кабинет Сталина. По до-
роге возник вопрос, как следовало бы обращаться
архиереям к вождю. На что Карпов весомо заявил:

– Обращайтесь так: «товарищ Сталин», можно
«товарищ маршал Советского Союза». Формули-
ровки такого рода, как «ваше превосходительство»,
«милостивый государь», не уместны.

Они, бледные, с напряжёнными лицами, просидели у дверей битый час, когда из кабинета вышли военные чины во главе с Жуковым. Жуков и все офицеры, поздоровавшись с архиереями, не могли скрыть удивления от такой встречи. Потом удалились. Дверь распахнулась вновь, и архиереи во главе с Карповым вошли в просторный кабинет, в центре которого стоял огромный стол. Окна были задрнуты. На стенах портреты – Сталина, Ленина (и где они вместе запечатлены) и огромная евразийская карта, вся исчерканная химическим карандашом и усеянная магнитными флажками и фишками. Офицер движением руки потянул верёвочную кисть, и ширма, словно театральная занавес, открыла за собою полотно. От дальнего края стола отделилась фигура и направилась к вошедшим иерархам. Это был Сталин. Карпов вытянулся в струнку и отдал ему честь, и архиереи тоже невольно выпрямились. Полковник произнёс титулы каждого архиерея. Сталин пожал им руки, удостоив улыбкой, и пригласил к столу. Он поместился в центре, а архиереи расположились по левую руку от него. Напротив них сели Берия, Молотов и Калинин. Сталин после некоторой паузы заговорил первым спокойным тоном и с ярко выраженным кавказским акцентом:

– Ваши Высокопреосвященства, уважаемые архиереи и руководители Русской православной церкви, я рад вас видеть в добром здравии и хочу в разговоре с вами коснуться многих вопросов о духовной и организаторской работе церкви, от решения которых зависит будущее религиозного народа и нашей страны в целом.

Архиереи с большим вниманием и участием следили за каждым его словом и жестом. Сталин озвучил все тезисы, о содержании которых они заранее были осведомлены и Карповым, и Метревели-Томищевым. После пространной речи Сталин попросил митрополитов озвучить свое мнение. Первым выступил Сергей Страгородский. Он выразил слова благодарности за возможность говорить и лицезреть вождя, сказал, что церковь всецело поддерживает страну в борьбе с фашизмом и молится о победе советского воинства. Он поддерживает каждый тезис Сталина, и церковь готова работать с руководством страны. Сталину его слова понравились, возражений он и не ждал. Потом вступил в разговор митрополит Алексей Симанский, который должен был коснуться трудной темы кадров церкви.

– Видите ли, многоуважаемый товарищ Сталин, – говорил он и ловил себя на том, что от внутреннего напряжения слово с трудом вяжется на устах, – всё, что вы озвучили, мы всецело поддерживаем. Возрождать административные ресурсы церкви нужно, возобновить работу приходов, церковных издательств и школ надо. Обозначить дипломатическое присутствие Русской церкви на

межрелигиозной мировой арене следует, но как мы можем всё это осуществить, когда у нас отсутствуют кадры, когда нет людей, хотя бы для того, чтобы собрать собор и как избрать патриарха.

Он сказал, и другие митрополиты испуганно потупили глаза, ожидая реакции Сталина. Вождь, впрочем, не растерялся. Он со свойственной ему улыбкой применил свой излюбленный приём, избрав на лице удивление, растерянность и, оглядев всех, спросил:

– Как же так может быть? А куда подевались ваши семинаристы, выпускники академий? Куда же подевались некогда воспитанные вами кадры и молодое поколение?

Повисла тишина. Кровь стучала в висках архиерейских. Молотов и Калинин, потупив взор, безмолвствовали, предвкушая казус, если не скандал. Берия пристально изучал лица архиереев. Сталин улыбался и ждал ответа. «Что ему сказать? – напряжённо думали митрополиты. – Ведь вы же сами, товарищ вождь, арестовали и сослали все наши кадры. Но так в лицо ему говорить нельзя. Так заявить – означает погубить всё дело и разговор, а следовательно, нанести урон себе и церкви. Так что же ответить ему, когда разговору невозможно дать другое направление?»

– Видите ли, дорогой Иосиф Виссарионович, – нашёлся митрополит Сергей Страгородский, сияя улыбнуться, – мы воспитываем семинаристов, но они становятся маршалами Советского Союза.

Сталин рассмеялся, и все улыбнулись. Вождю ответ митрополита очень понравился. На сердце у всех отлегло, даже у Молотова и Калинина.

– Не будем вилять, товарищи архиереи, – через минуту говорил Сталин, – я знаю, о чём вы думаете. О том, что большая часть духовенства нами арестована и разогнана. Так? Именно так! Чтобы устранить между нами недоразумение, я хочу сказать арабскую поговорку: *«Время собирать камни»*. Настало время объятий, поскольку время уклоняться от объятий миновало. Так, кажется, сказано в Святом Писании?

– Так и сказано! – подтвердили в один голос митрополиты.

– Подготовьте список священнослужителей и мирских лиц, которые подлежат амнистии. Список передайте Карпову.

– Некоторых, товарищ Сталин, мы уже отпустили, – включился в разговор Берия, – Войно-Ясенецкого, к примеру, который является профессором хирургии. Так же мы освободили профессоров Богоявленского, Метревели-Томищева и других. Они в ближайшее время поступят в ваше распоряжение, товарищи архиереи.

– Это тот хирург и священник в одном лице, который совершает чудо-операции на глазах?

– Да, товарищ Сталин.

– Ну, вот видите, товарищи иерархи, вопрос уже решается, – развёл руками Сталин.

– Список мы приготовили, – отозвался Алексей Симанский, – тут же и передаю. Возьмите, товарищ полковник.

– Скажите мне, сколько вам нужно времени, чтобы избрать патриарха Московского? – обратился к архиереям Сталин.

– Думаю, месяца три-четыре, – отозвался митрополит Сергей. Эту тему по соглашению архиереев должен был обсуждать именно он.

– Категорически не согласен, владыка Сергей, – возразил Сталин. – На дворе война, решения нужно принимать быстро, по-военному. Грести на веслах нужно так, чтобы было видно ватерлинию. Не могли бы вы организовать соборное церковное собрание быстро и оперативно, так сказать, большевистскими темпами?

Сталину нужен был Московский собор. Он нуждался и в наличии Московского патриарха. Хотя видела роль церкви для внутреннего государственного порядка достаточно косвенно. Но ничто не могло укрыться от его дипломатии. В косвенных, мало влияющих на обывателя событиях он видел чёткое слабое в огромном и сложном уравнении, которое ему надлежит вывести в единую сумму и так решить все задачи. Сталин и его окружение жили последнее время ожиданием Московской (октябрь) и Тегеранской (декабрь) конференций, которые должны появиться на ход войны и которым надлежит создать антифашистскую коалицию из многих стран. А это означало, что не за горами открытие союзниками второго фронта. И это обстоятельство будет декларировать обязательства союзников как в военной перспективе, так и в гуманитарной. Главы союзных стран, такие как У. Черчилль (Сталин знал), не торопятся брать на себя обязательства, а потому ищут повод найти в Советском государстве изъяны, чтобы упрекнуть за отсутствие демократии. И глава Великобритании знал ущемлённое положение церкви в России, а потому в действиях Кремля мог поставить всем на вид факт ограничения свобод религиозных организаций, даже упрекнуть в этом идеологию коммунизма, уведя разговор в другое русло, постараться размежеваться. (Об этом Молотов предупредил в откровенной беседе примаса-епископа Англиканской церкви.) Сталин полагал лишить такого козыря премьер-министра Великобритании. И поэтому следовало показать всему миру, что религиозные институты в Советском Союзе существуют, сохраняются и даже процветают. Да, собор нужен Москве чрезвычайно, ибо в октябре начнётся конференция. И патриарх генеральному секретарю нужен.

– Товарищ Сталин, если хотя бы определённое количество архиереев, зафиксированных нами в этих списках, надеющихся на амнистию, придут

наше распоряжение в ближайшие дни, – включился в разговор митрополит Николай Ярушевич, – то мы проведём заседание Синода и собора в текущем месяце. Я думаю, никто из нас, здесь присутствующих иерархов, не возражает.

И митрополиты с ним согласились. Затем со Сталиным обсуждали другие рабочие вопросы. Карпова Сталин назначил быть руководителем комитета по сотрудничеству правительства с церковью. Положительно были решены вопросы материальных потребностей церковных высших школ и издательств и многое другое. Сталин всё одобрил, тут же на месте распорядился, чем вызвал большое восхищение и воодушевление у архиереев. Он лично проводил всех архиереев через галерею до самой лестницы, где на прощание пожал им руки. По дороге он даже осведомился о здоровье митрополита Сергея. Почему он обратился к Сергию Страгородскому, сложно сказать. Может, в разговоре он почувствовал, что именно Сергию святые отцы отдавали уважительное главенство, мнение которого для них было если не решающим, то, по крайней мере, весомым. Возможно, Сталин намекал всем им, кто из них ему более предпочтителен в качестве патриарха и первосвятителя. Впрочем, гадать и не следовало бы, потому как Страгородский выглядел довольно усталым и болезненным.

Когда они покинули Кремль, город давно спал под покровом тёмной ночи. Лился сильный сентябрьский дождь, тарабаня струями по крышам домов. Ручьи бежали по асфальту в сторону набережной. Поднимался тёплый влажный пар, окутывая собою скверы, вспыхивал белым молоком вокруг фонарных столбов.

VI

121
Действительно, владыка Сергей устал больше всех. Внутреннее напряжение и большая работа ума отняли много душевных и физических сил, и он, добравшись до своего номера в митрополичьей резиденции, устало рухнул в кресло. Митрополиты Николай и Алексей находились рядом, склонившись над ним, восторженно обращались. Алексей отослал помощников и сам передал бокал с водой владыке. И когда Страгородский возобладал над собой, отцы предложили поблагодарить Бога и отслужили молебен. Невзирая на глубокую ночь, занятия места за круглым столом, не скупясь в замечаниях и впечатлениях, стали воспроизводить в мельчайших деталях минувший разговор в Кремле. По горячим следам принимали решения, обсуждали вопросы, как будут возрождать церковь. Подле них потом стояли секретари, получали непрерывные команды, указания и многократно выбегали в другие кабинеты, приносили бумаги, документы. Одним словом, митрополия загудела, заработала. Воодушевление передалось всем.

– На своём веку, – позже говорил Сергей Страгородский, когда намеревался отдохнуть в своих покаях, – я встречался со многими политическими и историческими фигурами. Общался я со Столыпиным и Витте, императором Николаем и императрицей Александрой, её сестрой – святой матушкой Елизаветой Фёдоровной и противоречивым Распутиным, но Сталин оставляет в памяти особенное впечатление. Действительно, это огромная фигура. Человек большого ума, чрезвычайно искусен в хитрости и непредсказуем. С ним шутить нельзя. Мы, святые отцы, имеем дело с очень сложной фигурой. Призываю вас быть очень осторожными и рассудительными. Работать с ним – значит плыть на корабле среди рифов. Кормчим на нашем корабле должно быть самому Господу. Пусть он нас и вразумит.

Легли почивать, чтобы хоть сколько-то восстановить силы, почти утром. И даже в постели, отдаваясь тёплой неге, митрополит Сергей долго не мог уснуть. Он слышал, как в соседних комнатах, что-то бормоча, укладывались ко сну его владыки. Чувства так и переполняли его. Голова болела.

Он вспомнил детские годы. Как легко ему было тогда и радостно. Сколько впечатлений переживала его душа, когда со своими любимыми родителями он посещал монастыри в Пскове, Новгороде. Как из родного Арзамаса путешествовали они в Крым. Его отец был хорошим священником. Припомнил, как собирались всей семьёй за обеденным столом, вспомнил запах пирогов и восторженные аплодисменты родителей, гостей, когда мама вносила кушанья. Никто так не умел делать пироги и сладкую белоснежную ванильную пасху из творога, как родная мама. Он в младенческие годы обширные двери, вводящие в залу большой квартиры, воображал царскими соборными вратами. По краям этих дверей развешивал портреты родных и архиереев, воображая иконы. Так двери и стены по обе стороны превращались в иконостас. И он, одевшись в мантию из пурпурных маминых штор, с нанизанными на неё многочисленными колокольчиками и бубенцами, держа серебряную кадильницу, некогда подаренную ему игуменом Суздальского монастыря, хаживал, кланялся и пел, воображая себя архиереем. В таком одеянии его обнаруживала маменька, целовала в лобик и разоблачала из покрывала. Его мама умерла рано. Он вспомнил, как в юные годы встречался со святым старцем Иоанном из Кронштадта. Как светились глаза этого священника, сколько силы и любви ощущалось в его словах! О, как в молитве пламенел тот старец верою! Вспомнил он свои поездки в Японию, где работал в составе русской миссии. Тогда японцы проявляли большой интерес ко всему русскому – литературе и православию.

Но позже мир переломился пополам. Одна половина, где обитали родители, старцы, друзья, рух-

нула, оставшись в безвозвратном прошлом. Он очутился в другом мире, где предстояло ему жить и трудиться, где царили беды, тревоги, скорби и потерянности. Хотя и в этом мире на жизненном пути ему повстречались друзья и старцы, но все они изнемогали под ударами трагической судьбы, прогибались под натиском безбожной власти. Много лиц заволокло холодным снегом, безвозвратно сокрыло в объятиях суровой земли. Они в преимуществе своём остались верны церкви, духовным идеалам, а потому лишились свободы и права на жизнь. Он сам готов был влиться в русло этой скорбной реки мучеников и исповедников и неоднократно переживал аресты, но слышал внутри себя голос, повелевающий сделать всё, чтобы уберечь от краха церковь, говоривший, что у него иной крест и что для начала нужно уберечь самого себя. На него легла тяжёлым бременем ответственность за судьбу израненной, изувеченной и всё же святой церкви. Теперь не он нуждался в защите церкви, а она нуждалась в его поступках и трудах. Безбожники напирали на церковь со всех сторон. И он вынужден был делать уступки за уступками. Подписывал документы, в которых дозволялось закрыть одну святыню за другой, лишь бы не расстреливали пастырей и переданное им словесное стадо. Эти документы он подписывал не чернилами, а слезами, и просил неверных: «Только не пролейте кровь!». Чтобы хоть как-то спасти церковь, он вступил в общество обновленцев, наивно убеждая себя, что внутренний и внешний раскол церкви является одной из форм выживания церкви, но скоро разочаровался в собственном поступке.

Он вернулся в церковь, отрекшись от обновленцев, пронеся тяжёлое, разъедающее его нутро покаяние. Вернулось и уважение духовенства, а самое главное, благодать Божия согрела и успокоила его сердце. Так ему показалось. Он много пережил. Он много повидал. Письмо об эмигрантах, названное «Декларация позиций церкви к Советской власти и эмиграции», которое он под давлением властей вынужден был в 1927 году сочинить, собственноручно подписать и собственноручно озвучить в соборе, было верхом или, точнее сказать, гранью, за которой царила область невозврата. Эта декларация послужила низжайшей степенно уничтожения его личности и церкви, печальным средством в том, как он сжигал мосты между россиянами, проживающими в родном Отечестве и в вынужденном рассеянии за границей. Писал так в угоду советской власти. Он написал и озвучил свое послание ради того, чтобы спасти немногих, оставшихся в живых, ради того, чтобы найти соприкосновение с Кремлём. *«Пусть я погибну в истории церкви. Только пусть церковь останется живой!»* – повторял он слова патриарха Тихона. Письмо его было воспринято неод-

нозначно и усугубило раскол в русском обществе и в среде церковных деятелей за рубежом. Он стал предметом нарекания со стороны многих выживших церковных деятелей и друзей. Были такие, которые от него отвернулись, но некоторые поняли, что поступок митрополита Сергия обусловлен отчаянным положением церкви в Отечестве. Даже Метревели-Томищев, на тот момент будучи в исправительном лагере, прочитав декларацию митрополита Сергия, некоторое время негодовал на него, но потом, обдумавши всё, смирился с той мыслью, что тот руководствовался данной ему советскими властями возможностью избежать арестов людей, верных ему и церкви, а потому печально успокоился. Митрополит судорожно делал всё, чтобы отвести гнев властей от церкви. И вновь шёл на уступки. Отодвигал тех архиереев, которые не нравились комиссарам, которые, как ему казалось, могли навлечь гнев руководства страны на церковь. Первых он смещал незамедлительно, как только на них указывало партийное руководство; вторых упразднял по собственному предвидению, не дожидаясь скандалов. В таких поступках он ни с кем не советовался. Он искренне полагал, что поступает правильно, согласно предлагаемым обстоятельствам. Иного решения он не видел. В результате многие люди из священноначалия от него отвернулись. Повсюду он терпел поражения от своих и чужих. Его называли узурпатором церковной власти, приспешником безбожной власти и разрушителем церковной жизни. На все обвинения обиженных людей, критикующих и ругающих его из-за границы, он отвечал: «Вам, избежавшим участи погибнуть от безбожной власти в исправительных лагерях, одеть бы мои галоши и взять местоблюстительский жезл. Вам следовало бы узнать, как тяжёл крест мой, ответственный за судьбу израненной, истерзанной Русской церкви в страшных условиях гонений. Вы, находящиеся в относительно покое, предлагаете всем русским архипастырям сегодня же лечь в сырую землю от руки гонителей. Но на кого, спрашиваю вас, предлагаете оставить Россию, церковь, народ, когда мы дошли до грани, за которой можно сказать: *нет более христианской России, нет более Христовой Русской церкви*. Вы предлагаете нам лечь в землю, воспроизведя к нам слово князя Святослава: *«Ибо мёртвые позора не имеют»*. Отвечаю категорически вам: данное определение, адресованное вами, бесполезно, и даже противоположано современной церкви. Если мы сегодня же ляжем в сырую землю, то облечёмся в позор, ибо на кого мы оставим нашу церковь, кто из живых разделит скорбь русской паствы, кто станет печальником русской земли?»

123

го февраля тысяча девятьсот тридцатого года, так называемое его интервью как ответ русским эмигрантам, как реакция к воззванию Папы Римского *молиться о гонимой церкви в России*, которое он не давал советскому издательству. Статья была сфабрикована решением Политбюро и тем же Сталиным и вышла в свет якобы под его именем. Это была фальшивка, но митрополиту её опротестовать не хватало ни сил, ни смелости. И он вынужден был в который раз промолчать и проглотить унижение. Все такого рода переживания надорвали здоровье и нервы митрополита Сергия, но он силился и всё делал для того, чтобы сохранить церковь и её людей, а потому долго плакал после встречи со Сталиным. Он ухватился за ту спасительную ниточку, которую предложил Сталин церкви. Он увидел в жесте руководителя страны возможность не только сбросить церковь, но перетянуть государство на сторону правды.

Возродить церковь на фоне сталинской России – вот задача, которую он поставил перед собою и верными ему людьми. «А далее сам Бог исправит и изгладит все неровности и разрушит средостения», – иначе рассуждать он не мог. Вот его историческое призвание. Ещё одно наблюдение не давало ему покоя. Почему Сталин в беседе чаще всего обращался именно к нему, что не могло ускользнуть от внимания других митрополитов. Может, Сталин осведомлён о том, что никто из митрополитов не имеет такого большого опыта печальных уступок, как он, Сергей, а потому и хочет видеть в нём безропотного патриарха? «А впрочем, подобного рода рассуждения можно отнести к бреду, – подумал Страгородский. – И обращался ко мне Сталин потому, что я ближе всех сидел к нему. Кроме того, я более семнадцати лет являюсь местоблюстителем патриаршего престола и вся церковная власть находится в моих руках, в чём генеральный секретарь не мог быть не осведомлённым. К кому же будет обращаться Сталин? Всё тем и объясняется».

Он тщетно силился уснуть. Река мыслей протекала через всё его сознание. Воспоминания и впечатления не давали спать. В груди неприятно ныло сердце. У него даже не было сил, чтобы гневаться на себя за неспособность уснуть и обуздать мысли и впечатления. Он осознанно не хотел смотреть на часы, чтобы не знать, как мало времени ему остаётся отдохнуть, хоть сколько-то поспать. Страгородский потянулся к электрическому выключателю. Внизу, на первом этаже, взвизгнул механический колокольчик, и через минуту приоткрылась дверь. Слабый свет от настольной лампы осветил профиль отца Арсения, келейника его. Арсений, дряхлый старец, посмотрел осоловелыми глазами и несмело спросил:

– Вызывали, Ваше Блаженство?

– Да, отче Арсений, принеси мне капель.

– Сердце прихватило?

– Прихватило.

– Сию минуту, святой владыка, – Арсений удалился, бурча себе под нос: «Прости, Господи! Подай, Господи, всем нам здоровье и терпенье». И через минуту воротился с графинчиком и стаканчиком на подносе, когда чуть не налетел на митрополита Алексия Симанского.

Тот как будто его и поджидал.

– А, это вы, владыка Алексей? Вам тоже не спится?

– Всё не могу уложиться. С ритма сбился организм. А что, у местоблюстителя сердечко прихватило?

– Да. Вот накапал сердешных капель.

– Дайте-ка мне, братец, поднос. Я сам владыке снесу.

– Ваша воля. Возьмите, я здесь, у журнального столика подожду. Если прикорну, сильнее меня толкните.

Владыка Алексей оказался в номере у Страгородского.

– А, это вы, владыка Алексей? Проходите. И напрасно вы тревожитесь, – отозвался Сергей. Он уже поднялся и облачился в подрясник.

– Ничего. Я вам сам немного послужу. Позволите?

– Сделайте милость, как пожелаете.

Митрополит Сергей принял от владыки Алексия гранёный стаканчик.

– Благодарствую, дорогой владыка Алексей.

– Ослабли вы, отче Сергей. Не бережёте сердце.

– А кто в наше время бережёт сердце? Ничего, Бог управит. Мне бы уснуть, чтобы к утру силы были.

– Да, поспите.

– Вы, владыка Алексей, что-то хотели спросить?

– Верно.

– Спрашивайте.

– Видите ли, одна мне мысль не даёт покоя после всей этой истории, случившейся сегодня ночью.

– Что у вас на уме, излагайте.

– Мне не нравится конспиративный, секретный характер нашей встречи со Сталиным. Карпов был у нас ночью. Конспирация с этим Метревели-Томищевым. Встреча со Сталиным – тоже ночью. Всё сделано так, чтобы никто об этом не узнал. Такое ощущение, что нас как будто стесняются.

– Все ваши сомнения легко объяснить и развеять. Дело в том, что самый активный момент будничной работы Сталина, как мне рассказывали, распространяется на ночь. Таков его характер. Он не спит до утра, а потому вся страна по ночам встаёт на дыбы. Мы вот с вами пытаемся уснуть, а ведь он ещё бодрствует, и у всех начальников сейчас поджилки трясутся. Мы все давно по ночам бодрствуем, и вре-

мя на часах сменили. И ничего тут не поделаешь. Про конспирацию я вам возражу следующим образом. Только вам скажу по секрету: трудно осознавать нашему правительству, что оно в отношении нас было несправедливо. Гнали нашу церковь и ругали, уведомляя о том на всё советское общество, а теперь объявить обратное на весь мир очень трудно. Лучше по-тихому договориться с церковью, а нам от этого больше пользы. Мы долгие годы подвергались общественному порицанию, а теперь правительству и вождям, думаете, следует заявить, что были не правы? Не дождёмся. Да и нам не нужно их покаяния. Без покаяния мы с ними примиримся. Конспирация конспирацией, но сам Сталин благожелательно проводил нас до лестницы. Это хороший знак. Он сам выступил в качестве гаранта.

– Да. Жест хороший. Не буду возражать. Но вот что скажу, Сталин намекнул, что после избрания главы церкви Священный синод и, следовательно, сам патриарх должны руководить полнотой Русской церкви из Ульяновска. Я не очень понимаю, как можно руководить из Симбирска? Этот вопрос мы решим утром, но прежде заседания хочу поделиться соображениями. Вот о чём скажу и не стану кричать перед вами душой, святой владыка...

– Так-так, говорите, брат.

– Указав на Ульяновск, Сталин, по моёму мнению, намекнул всем нам, что именно вас, Ваше Блаженство, хочет видеть главою Русской церкви. Да-да! Не возражайте... Объясню свою мысль. Вы ведь по статусу административного государственного надзора остаётесь ссыльным? Ваше пребывание привязано к Ульяновску. Так, именно... так! Вас давно сослали в Ульяновск. Следовательно, статью пока не отменят. Если вы останетесь ссыльным, то и весь церковный аппарат вынужден будет работать в Ульяновске.

– Кто станет патриархом – решит созываемый нами собор, – возразил Страгородский.

– Конечно, так оно и будет. Но патриархом следует быть вам, святой владыка. Это моё мнение. Возможно, так полагает и он. Для меня это однозначно и ясно, но я хочу развить другую тему.

– Вы слишком торопите события, дорогой владыка, – ответил Старагородский, но тот как будто его не слышал.

– Что же получается? Если он решил вам, вошедшему на патриарший престол, и нам, верноподданному патриаршему жезлу, то есть Священному Синоду, управлять церковью из Ульяновска, то над церковью и над вами так и будет висеть статья? Вы ссыльный, следовательно, и мы ссыльные, и церковь в ссылке? Получается, что между государственным управлением и церковью будет дистанция?

– Бросьте, владыка Алексей. Вы стали мнительным. Сталин же сказал, что патриарх и Синод долж-

ны из Ульяновска управлять страной, потому что идёт война, а Москве грозит опасность. Следовательно, и Синоду...

– С этим я не могу согласиться, владыка Сергей. Москву фашисты не возьмут. Столица в наши дни находится в безопасном положении, живёт и развивается почти в мирном русле. Захватить Москву немцам невозможно. Изначально это была авантюра. Ленинград немцы не смогли взять, а Москву и подавно. Я же сам из блокадного Ленинграда. Здесь что-то другое думает Сталин. Попросту скажу, что он стесняется нас. А насчёт статуса ссылки, который висит почти над каждым архиереем, скажу, есть у меня знакомые полководцы, что одерживают одну за другой победу над немцами и не сходят со страниц наших газет, хотя над ними и по сей день распространяется статус административной и уголовной ответственности. Они на фронте героически воюют с немцами, а на Лубянке и в Матросской Тишине папочками с их фотокарточками помахивают сотрудники госбезопасности и побивают ими о столешницу мух да тараканов. И никуда эти дела не денутся. Будут лежать компроматами. Всё это означает для меня, что церковь после сегодняшней исторической встречи и после избрания патриарха будет оставаться со стороны властей гонимой. Гонения лишь только ослабнут на время войны.

– Что же вы этим хотите сказать?

– А что я скажу? Вам надлежит обрестись патриархом России. Трудно вам будет со Сталиным. Вы будете патриархом в статусе ссыльного.

– Я сам об этом много передумал, и ум, кажется, сломал. Только тогда мы удовлетворим чаяния Сталина, когда по некоторым тезисам, озвученным им же самим, покажем результат, то есть организуем материальные сборы для фронта, что, впрочем, мы уже делали, и не раз, установим дипломатические контакты со странами и поместными церквями и многое другое. И как Бог управит, так и будет.

– Да. Вы тысячу раз правы. Ну не стану вам мешать. Как удивительно схожа судьба русского народа с участью пленённых евреев, угнанных насильно и переселённых в Вавилонское царство. Внезапно оказанное нам внимание и доверие Сталина удивительным образом воспроизводит тему псалма «Плач Иеремии при реках вавилонских». Помните, Ваше Блаженство?

– Как же не помнить мне и вам! Вы остроумно подметили это сходство. А прочтите-ка мне этот псалом. Вы же помните псалом сто тридцать шестой?

– Помню, с удовольствием прочту и тотчас покину вас: *«При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах посреди его повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселие: «Прпойте нам из песней Сион-*

ских». Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня, десница моя; прильпни, язык мой, к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего».

Он тихо и выразительно читал, опустив глаза, а Сергей Страгородский вспомнил, как вместе с духовенством во главе всех стоял он посреди храма с зажжёнными свечами и слушал эти святые и грустные слова ветхозаветной молитвы. Как многоголоський поток мужского хора, пронзая тёмное пространство храма, вздымался к вершинам сводов, отражался от стен и икон и нисходил обратно, всех поглощал, лился из открытых дверей и окон. И так собор становился легковесным, как будто взлетал к небесам.

Симанский вышел в светлый коридор и закрыл за собою дверь. Подойдя к Арсению, нашёл его спящим за столом и растолкал.

– Идите, родненький, к себе да отдохните. Возьмите поднос, – митрополит всегда обращался на «вы» к старикам и молодым.

Тот не сразу сообразил. Смотрясь взъерошенной птицей, покачиваясь от воспалённой слабости, он принял поднос.

– Отец Арсений.

– Что? – с трудом соображал старый священник.

– Владыка Сергей велел всем нам собраться к полудню. Не будите его, как он указал. Пусть выпитое до часу, а соберёмся-ка мы в обед. Пусть он отдохнёт. Скажите, что я распорядился. Понятно вам?

– Да, святой владыка. Простите и благословите, святой владыка.

– Ступайте да сами отдохните.

Отец Арсений направился к выходу.

– Пойдите, отец Арсений!

– А? Что? – встrepенулся старик.

– Накапайте-ка мне, Арсений, того, чего владыке подали.

– Как изволите, святой владыка, – старик вынул из подрясника сердечные капли.

Оставшись один в тёмной комнате, митрополит Сергей силится уснуть. Воспоминания смешивались с вожделенной дремотой. Вспомнились вновь неясно, вскользь любимые лица отца, матери, звонкий детский смех старших братьев и сестёр. Где вы, родные люди? Отчего так чудится детство? Отчего вы, родные, так стучитесь в сердце? Ушедшее, богатое на события и любовь, безвозвратно канувшее в Лету детство острее воспринимается сейчас, когда на пороге стоит глубокая старость. Он вспомнил Арзамас и всё, что связано с ним: скрип колёс за отцовским окном, гул напуганных беготней детворы гусей, дворник метёт мостовую, звон серебряных колоколов плывёт над домами. О, как сладостно об

125

этом вспоминать, как безмятежны были те годы! А сейчас стало так тяжело, и всё вздрагиваешь от каждого вдоха Москвы, озираешься по сторонам и думаешь: «Как бы ничего не случилось». Как трудно стало жить в современном мире, изменившемся до неузнаваемости. Как тяжёл крест первосвятителя церкви. Этот крест порою прижимает его плашмя к земле, и он, поднимаясь с колен, шагает под тяжестью его, взгревая в сердце надежду о благополучном исходе, о счастливой ожидающей церкви будущности. Тогда со спокойным взором он произнесёт: «Слава тебе, Господи, за всё: и за радости, и за скорби!» А пока он, усталый, шагает по жизни, теряя друзей, соратников; одних – по причине возраста отошедших в мир иной; других – из-за государственных облав, несправедливых обвинений и этапов; иных – по недоразумению и несогласию, оставшихся в стороне и закосневших от нелепой обиды. Нет близкой души, кроме старого келейника Арсения и митрополита Алексия.

За окном, как будто вторя печальным его мыслям, вновь застучал крупными горошинами по стеклу дождь. Такой монотонный дождь – грустный собеседник, но в нём есть хорошее свойство, распространяющееся на слушателя, он навеивает здоровый сон. Архиерей почувствовал на сердце облегчение, и тепло разлилось во всём теле, мысли провалились в бездну, и он с удовольствием погрузился в сон, где ему снились родные, друзья, где нет тревог.

VII

Все последующие дни в здании бывшего немецкого посольства в Москве, упразднённого решением Сталина и немедленно переданного Русской православной церкви, закипела новая жизнь. Сюда в срочном порядке съезжались архиереи. Одни освободились от административного надзора, другие приехали из ближайшей ссылки, а иные амнистировались из лагерей. Последние, едва успев отмыться от лагерной пыли и сажи, выглядели несколько растерянно, смотрели и обращались со всеми чрезвычайно осторожно, говорили вполголоса, храбрились и изо всех сил старались скрыть свою ущербность, отпечатавшуюся во внешнем виде и манерах. Лагерное прошлое передало им какой-то уникальный опыт. Некая усталость читалась в их поступках. Они выглядели солдатами, вернувшимися с войны, которые отвыкли от мирной жизни и долгое время не могли себе найти применения в русле тихих будней. Они напоминали больных, от которых отказались врачи, отчаявшиеся их спасти, вдруг необъяснимым чудом исцелившихся и вернувшихся к родным. Они походили на птиц, что долгое время, преодолев тысячи вёрст, летели из южных стран, взгромоздились на крышах домов, растерянно соображая, как обустроиваться на новом месте. Они

стояли перед главенствующим митрополитом Сергием и не верили своим глазам, что вернулись к мирной полноценной церковной жизни, где их уважают, даже любят, прочт дальнейшее служение, карьере, где их мнение решающее и по-прежнему весомо. Как искренне радовались они новым встречам и оборотам их жизни, что свалились в полосу благоденствия. Среди них присутствовал архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), профессор хирургии.

Приблизительно тридцать архиереев и священников собрались на заседании восьмого сентября тысяча девятьсот сорок третьего года. На соборе присутствовали и мирские граждане. Среди многочисленных помощников в качестве церковного юриста находился пожилой гражданин, с которым частенько консультировались митрополиты. На фоне многочисленных мирян он заметно выделялся по причине большого роста и рокочущего голоса. Это был Метревели-Томищев. Совещания проходили на очень высоком уровне, организованные *большевистскими ударными темпами*, как советовал Сталин. Выступили с докладами иерархи Алексей, Николай и местоблюститель патриаршего престола Сергей Страгородский, митрополит Московский. Первый озвучил нравственный и общественный облик современного пастыря в контексте новой России, сказал о духовной ответственности современного пастыря перед паствой, вверенной ему Богом, о патриотическом долге перед страной в трудные, опалённые священной войной дни. Второй озвучил программу возрождения церковных институтов, рассказал о встрече иерархов со Сталиным; о том, что государство ожидает понимания и поддержки со стороны церкви. Митрополиты блеснули ораторским искусством, и все, затаив дыхание, едва сдерживая восторг, слушали их. Третий докладчик, Сергей Московский, попросил мнения собора в решении вопроса о наименовании нового патриарха Русской церкви. Он заявил, что в данное время такое титульное определение, как «Патриарх Московский и Всероссийский», не может соответствовать новому облику страны, претерпевшей изменение в облике и внутреннем порядке, когда сама историческая Россия вошла в Союз Советских Социалистических Республик. Он предложил очень интересное и исторически верное определение, которое устроит, по его мнению, и религиозных людей, и руководство страны, и советское общество: «Патриарх Московский и Всея Руси». Собор предложение принял во внимание и охотно постановил называть будущего патриарха «Московским и Всея Руси». Потом архиереи избрали кандидатов на должность патриарха. Ими стали все те же вышеупомянутые иерархи. Митрополит Алексей Симанский не возражал выступить в роли кандидата на пост патриарха, но осторожно поделился соображениями, что са-

мым достойным служителем церкви является митрополит Московский и Коломенский Сергей, которого и желал видеть первосвященником. Его заявление выслушали с пониманием. Голосовали тайно в следующий день заседания.

Архиерейский собор большинством голосов постановил быть патриархом для Русской Московской церкви Сергию Страгородскому. Когда его имя торжественно и победно озвучили, в дворцовой палате повисла тишина. Митрополит Афанасий, поднявшись, с нескрываемым восторгом произнёс результаты голосования:

– Освящённый собор по внушению Духа Святого постановил быть патриархом Московским Сергию, митрополиту Московскому и Коломенскому, кандидату, набравшему большинство голосов.

Все участники собора устремили взор на местоблюстителя Патриаршего Престола высокопреосвященнейшего Сергия. Он, поднявшись, осмотрелся и дрогнувшим от внутреннего напряжения голосом произнёс:

– Звание патриарха и жезл первосвященника Русской церкви на основании голоса освящённого собора приемлю и ничто же не глаголю вопреки!

– Великому господину и отцу нашему блаженнейшему Сергию, митрополиту Московскому и Коломенскому, постановленному освященным собором Русской православной церкви от сего девятого сентябрьского дня в лето сие, быть патриархом Московским и Всея Руси, – неистовым басом, пронзая тишину, чеканил слова архиерейский собор, и все восторженно внимали ему. – Подай, Господи, во здравии и благоденствии, честном жительстве праведно править Русской православной церковью, Священным Синодом и Священным собором над всею богоспасаемой паствою в пределах Московского патриархата на многая-я лета-а-а!!!

Все духовенство, все архиереи, миряне и вошедший в залу церковный хор запели в один голос, в одном восторге: «Многая лета!». И эта песня рвалась во все стороны. Стены дворца сотрясались. Дрожали люди. Содрогался воздух. Все присутствующие, начиная от митрополитов и до последнего диакона и мирянина, потянулись к Сергию, чтобы покорно поцеловать ему руку, а он стоял несколько растерянно, и по лицу его текли большими каплями слёзы.

Двенадцатого сентября, в день памяти благоверного князя Александра Невского, в кафедральном Богоявленском соборе, что в Елохове, состоялась торжественная интронизация митрополита Сергия в патриархи. Архиерейский хор многократно ещё пропел «Многая лета» в честь нового патриарха. И всё духовенство принесло ему присягу. За торжественным столом озвучили поздравительную телеграмму от Сталина в адрес Русской церкви и нового патриарха Сергия, которая была воспринята всеми радостно. И долго не смолкали аплодисменты. Патриарх Сергей после прочтения телеграммы настоял, чтобы все подняли и осушили свои бокалы за дорогого нашего товарища Сталина. И вновь загремела в адрес вождя советского правительства и народа Иосифа Виссарионовича многоголосая песня «Многая лета». Второй бокал пили за новоиспечённого патриарха, третий – за Красную армию.

В дальнейшем архиерейский собор во главе с патриархом приступил к своей работе. Собор постоянно пополнялся приезжающими из ссылок священнослужителями. Архиереи определили шаги многосторонней работы церкви как в советских республиках, так и за рубежом.

В ведущей советской газете, на последней полосе, была напечатана маленькая заметка об избрании в Москве нового патриарха.

